

ОБСУЖДЕНИЕ ПРОБЛЕМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ (окончание дискуссии) *

М. Н. Шмелева

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛЕВОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННОСТИ (ответ участникам дискуссии)

В ходе дискуссии о полевой работе был продемонстрирован широкий спектр суждений, освещающих с разных сторон и разных точек зрения теорию и практику полевых исследований. Затронут довольно большой круг вопросов, выходящих порой за рамки намеченных (в открывших дискуссию статьях) проблем, касающихся в целом развития отечественной этнографической науки на настоящем этапе. В отличие от Г. В. Старовойтовой, я в своей статье о полевых материалах как источнике при изучении современности исхожу из того, что этнограф-профессионал, отправляясь в экспедицию, знает задачи исследования и имеет представление об его объекте. Научная же концепция заложена в программу и другой инструментарий, с помощью которого ведется это исследование, в том числе и в поле. Речь шла о формулировании основных принципов и подходов для наиболее эффективного сбора этнографических материалов при изучении современности, требующего не только знаний, но и особого мастерства. Задача состоит в нахождении приемов и способов выявления необходимых фактических данных и осмысления их уже на «полевом этапе», т. е. об установлении научного факта. Решается она полевым исследователем как в практическом (методическом), так и неизбежно в теоретическом (методологическом) плане. Именно так это и было воспринято большинством участников обсуждения, которые поделились опытом полевой работы, высказали свои суждения и внесли ряд конкретных предложений.

Остановлюсь на некоторых вопросах, вызвавших наиболее оживленный обмен мнениями.

Прежде всего о понятии «современность», ее временной протяженности. Вопрос этот, как мы уже отмечали, дискуссионный, и современность можно трактовать как в узком, так и в широком смысле слова. Однако для полевой работы это не столь существенно. Проблема заключается в том, чтобы получить правильное представление о конкретном историческом отрезке времени большей или меньшей продолжительности. И если даже будет изучаться один сегодняшний день, мы не сможем понять

* Открывшие дискуссию статьи М. Н. Шмелевой и С. И. Вайнштейна см.: Советская этнография (далее СЭ), 1985, № 3. Обсуждение этих статей см.: СЭ, 1985, № 4 (Г. В. Старовойтова, В. И. Козлов, А. Н. Жилина, Г. Н. Грачева), № 5 (В. Р. Арсеньев, Ч. М. Таксами, Г. А. Сергеева, Л. Н. Чижикова, И. П. Березовский, В. Ф. Горленко) и № 6 (А. М. Решетов, О. Р. Будина, Г. Н. Симаков, Н. П. Лобачева, Л. Ф. Моногарова, Н. А. Томилов). Все ссылки на материалы дискуссии даются в тексте с указанием только фамилии автора и страницы.

всех изучаемых явлений, не разобравшись в истории их «формирования». Составные части любого «среза» культуры и быта того или иного народа своими корнями уходят в разную «историческую глубину» и многие — к важнейшим рубежам политических и социально-экономических изменений. Известно, что быт меняется гораздо медленнее, чем политическая и экономическая жизнь. Он как бы отстает в своем развитии. К тому же в разных областях быта или бытовой культуры народов перемены происходят далеко не одновременно и с разной степенью интенсивности, но зарождаются они, как показывают уже упоминавшиеся этнографические работы по современности, в определенные поворотные моменты истории. Так обычно оцениваются и 1920-е годы, за которыми В. И. Козлов в известной мере признает историческое значение в развитии современной духовной культуры народов, но из которых, как слово из песни, не выкинешь и пресловутые лапти. Между прочим, не совсем правильно выбрасывать их и из «текста» сегодняшней современности. В настоящее время они, как и некоторые другие предметы старого быта (например, керамическая посуда), приобрели новые функции, отвечая изменившимся потребностям населения. В городах Центральной России лапти, например, кое-где употребляют как домашнюю обувь (чаще всего для гостей), как украшение жилого интерьера, как этнически-маркированный сувенир, а также в качестве «обрядовой» обуви (например, во время свадебного ряжения), где они также служат этническим символом. Лапти, появляющиеся на базарах, пользуются поэтому неизменным спросом. По-видимому, лапти следует отнести к широкой области вторичных этнографических явлений, известных под названием фольклоризма. Развитие его характерно в настоящее время для многих индустриально-развитых стран и сопряжено с определенным отношением общества к своей этнической культуре. Представляет интерес не только сам факт бытования лаптей, но и их форма, прежде имевшая существенные локальные различия, связанные с этнической спецификой отдельных групп населения Восточной Европы. Сохранение или изменение традиционной формы лаптей может говорить в пользу определенных этнокультурных процессов. Н. А. Томилов, фиксируя замену практической функции некоторых предметов материальной культуры эстетической, предупреждает, что игнорирование этого явления ведет к неправильной оценке «этничности» современной культуры.

Для исследователя-полевика не имеет принципиального значения противопоставление (см. отклик Г. В. Старовойтовой) современности хронологической (изучение всех пластов культуры, функционирующих на сегодняшний день) современности стадийальной (внимание уделяется лишь типическому и имеющему тенденцию к развитию в будущем). Решение любой из этих задач в этнографическом плане требует соблюдения принципа последовательного историзма. Чтобы ограничиться исследованием типичного и перспективного, нужно прежде всего выделить его из общей картины жизни, оценив при этом историческую значимость и всего остального, что существует в реальной действительности и находится в неразрывной связи и в динамическом взаимодействии. Иначе легко впасть в ошибку и дать искаженное представление о действительности, как, например, в тех случаях, когда пытались изучать «ростки» нового или пережитки прошлого в отрыве от всего окружающего. Не случайно многие участники дискуссии (А. Н. Жилина, Г. Н. Грачева, В. Р. Арсеньев, Л. Н. Чижикова) считают необходимым собирать в поле по возможности исчерпывающий материал о жизни изучаемого населения, в которой новое сосуществует со старым, чтобы избежать опасности как архаизации, так и модернизации современной бытовой культуры.

Вопрос о единице наблюдения в поле возник в связи с определением кратчайшего пути к объекту изучения, пути проникновения, так сказать, в его «мир». Речь идет о способах этнографического обследования и его организации, о подборе представительного массива лиц и семей, с которыми этнограф углубленно работает в дальнейшем.

Выбор подхода, как уже говорилось, определяется задачами исследования, особенностями формирования населения и местной спецификой этнокультурного региона, о чем упоминают Л. Ф. Моногарова и Г. А. Сергеева. Но в любом случае работа по проблематике, касающейся современности, не может обойтись без учета ряда факторов, связанных с профессиональными занятиями и общественным производством, которые оказывают большое влияние на развитие современных культурно-бытовых процессов. Весьма ценно, что производственный подход при сборе полевого материала (особенно в городе с его многочисленным и разнообразным по многим параметрам населением, где путь к обретению информатора, как пишет О. Р. Будина, особенно труден), позволяет выделить группы людей, различающихся социально-профессиональной принадлежностью (включая трудовую квалификацию), материально-хозяйственной обеспеченностью, общественной активностью, характером социальных связей, особенностями трудового режима и др. Этот подход облегчает получение сведений и о национальной принадлежности и о составе семей. Знакомство с трудовым коллективом, его производственным и общественным бытом способствует установлению широких связей с представителями интересующих исследователя групп населения.

Обращение в полевой работе к трудовому коллективу отнюдь не заменяет наблюдение в семье, которое, как отмечалось в статье, служит наиболее богатым источником самых разнообразных и ценных этнографических сведений по разным темам, затрагивающим не только семью и семейный быт. Отстаивать это положение — значит ломиться в открытую дверь. Производственный подход при проведении полевой работы, который, кстати, давно апробирован, вовсе не предполагает изучения этнографами производства, экономики, трудовых процессов¹.

Что касается изучения производственного коллектива, то такая тема в плане исследования современности вполне правомерна. Она представляет интерес с точки зрения и выявления особенностей общественного и производственного быта, и влияния его на домашний быт. Производственный коллектив имеет самое непосредственное отношение и к семейным обрядам, в частности упомянутым В. И. Козловым родильным, осуществляя функции материально-бытовой помощи и социального контроля. Производственный коллектив — одна из наиболее существенных в настоящее время контактных групп населения со своими общественными традициями и развитым общественным мнением, охраняющим их. Производственные связи современной семьи — важная составная часть круга ее культурно-бытового общения. Выполняя наряду с другими связями особые, присущие им функции, они проявляют тенденцию к дальнейшему развитию. Все это в городе выступает значительно отчетливее, чем в селе, где производственный коллектив часто совпадает с территориальной общностью и связи менее дифференцированы. Так что, на наш взгляд, вряд ли будет правильно при этнографическом изучении современности концентрировать внимание, как советует В. И. Козлов, только на быте домашнем, к чему будто бы «призваны» этнографы. В таком случае из системы быта выпали бы, например, богатые этническими традициями многообразные обычаи, обряды, праздники, входящие в состав духовной культуры.

В ходе обсуждения затронута также проблема анкет и вопросников. Дело вовсе не в том, что этнографы в отличие от социологов никак не могут познать искусство составления и применения анкет для массового опроса населения (Г. В. Старовойтова оценивает наши суждения как своего рода социологический ликбез), а в эффективности этого метода, возможности сочетания его с другими методами изучения именно этнографических явлений с присущей им спецификой.

¹ Крупянская В. Ю., Будина О. Р., Полищук Н. С., Юхнева Н. В. Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила (1917—1970). М.: Наука, 1974; Анохина Л. А., Шмелева М. Н. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1977.

всех изучаемых явлений, не разобравшись в истории их «формирования». Составные части любого «среза» культуры и быта того или иного народа своими корнями уходят в разную «историческую глубину» и многие — к важнейшим рубежам политических и социально-экономических изменений. Известно, что быт меняется гораздо медленнее, чем политическая и экономическая жизнь. Он как бы отстает в своем развитии. К тому же в разных областях быта или бытовой культуры народов перемены происходят далеко не одновременно и с разной степенью интенсивности, но зарождаются они, как показывают уже упоминавшиеся этнографические работы по современности, в определенные поворотные моменты истории. Так обычно оцениваются и 1920-е годы, за которыми В. И. Козлов в известной мере признает историческое значение в развитии современной духовной культуры народов, но из которых, как слово из песни, не выкинешь и пресловутые лапти. Между прочим, не совсем правильно выбрасывать их и из «текста» сегодняшней современности. В настоящее время они, как и некоторые другие предметы старого быта (например, керамическая посуда), приобрели новые функции, отвечая изменившимся потребностям населения. В городах Центральной России лапти, например, кое-где употребляют как домашнюю обувь (чаще всего для гостей), как украшение жилого интерьера, как этнически-маркированный сувенир, а также в качестве «обрядовой» обуви (например, во время свадебного ржания), где они также служат этническим символом. Лапти, появляющиеся на базарах, пользуются поэтому неизменным спросом. По-видимому, лапти следует отнести к широкой области вторичных этнографических явлений, известных под названием фольклоризма. Развитие его характерно в настоящее время для многих индустриально-развитых стран и сопряжено с определенным отношением общества к своей этнической культуре. Представляет интерес не только сам факт бытования лаптей, но и их форма, прежде имевшая существенные локальные различия, связанные с этнической спецификой отдельных групп населения Восточной Европы. Сохранение или изменение традиционной формы лаптей может говорить в пользу определенных этнокультурных процессов. Н. А. Томилов, фиксируя замену практической функции некоторых предметов материальной культуры эстетической, предупреждает, что игнорирование этого явления ведет к неправильной оценке «этничности» современной культуры.

Для исследователя-полевика не имеет принципиального значения противопоставление (см. отклик Г. В. Старовойтовой) современности хронологической (изучение всех пластов культуры, функционирующих на сегодняшний день) современности стадийной (внимание уделяется лишь типическому и имеющему тенденцию к развитию в будущем). Решение любой из этих задач в этнографическом плане требует соблюдения принципа последовательного историзма. Чтобы ограничиться исследованием типичного и перспективного, нужно прежде всего выделить его из общей картины жизни, оценив при этом историческую значимость и всего остального, что существует в реальной действительности и находится в неразрывной связи и в динамическом взаимодействии. Иначе легко впасть в ошибку и дать искаженное представление о действительности, как, например, в тех случаях, когда пытались изучать «ростки» нового или пережитки прошлого в отрыве от всего окружающего. Не случайно многие участники дискуссии (А. Н. Жилина, Г. Н. Грачева, В. Р. Арсеньев, Л. Н. Чижикова) считают необходимым собирать в поле по возможности исчерпывающий материал о жизни изучаемого населения, в которой новое сосуществует со старым, чтобы избежать опасности как архаизации, так и модернизации современной бытовой культуры.

Вопрос о единице наблюдения в поле возник в связи с определением кратчайшего пути к объекту изучения, пути проникновения, так сказать, в его «мир». Речь идет о способах этнографического обследования и его организации, о подборе представительного массива лиц и семей, с которыми этнограф углубленно работает в дальнейшем.

Выбор подхода, как уже говорилось, определяется задачами исследования, особенностями формирования населения и местной спецификой этнокультурного региона, о чем упоминают Л. Ф. Моногарова и Г. А. Сергеева. Но в любом случае работа по проблематике, касающейся современности, не может обойтись без учета ряда факторов, связанных с профессиональными занятиями и общественным производством, которые оказывают большое влияние на развитие современных культурно-бытовых процессов. Весьма ценно, что производственный подход при сборе полевого материала (особенно в городе с его многочисленным и разнообразным по многим параметрам населением, где путь к обретению информатора, как пишет О. Р. Будина, особенно труден), позволяет выделить группы людей, различающихся социально-профессиональной принадлежностью (включая трудовую квалификацию), материально-хозяйственной обеспеченностью, общественной активностью, характером социальных связей, особенностями трудового режима и др. Этот подход облегчает получение сведений и о национальной принадлежности и о составе семей. Знакомство с трудовым коллективом, его производственным и общественным бытом способствует установлению широких связей с представителями интересующих исследователя групп населения.

Обращение в полевой работе к трудовому коллективу отнюдь не заменяет наблюдение в семье, которое, как отмечалось в статье, служит наиболее богатым источником самых разнообразных и ценных этнографических сведений по разным темам, затрагивающим не только семью и семейный быт. Отстаивать это положение — значит ломиться в открытую дверь. Производственный подход при проведении полевой работы, который, кстати, давно апробирован, вовсе не предполагает изучения этнографами производства, экономики, трудовых процессов¹.

Что касается изучения производственного коллектива, то такая тема в плане исследования современности вполне правомерна. Она представляет интерес с точки зрения и выявления особенностей общественного и производственного быта, и влияния его на домашний быт. Производственный коллектив имеет самое непосредственное отношение и к семейным обрядам, в частности упомянутым В. И. Козловым родильным, осуществляя функции материально-бытовой помощи и социального контроля. Производственный коллектив — одна из наиболее существенных в настоящее время контактных групп населения со своими общественными традициями и развитым общественным мнением, охраняющим их. Производственные связи современной семьи — важная составная часть круга ее культурно-бытового общения. Выполняя наряду с другими связями особые, присущие им функции, они проявляют тенденцию к дальнейшему развитию. Все это в городе выступает значительно отчетливее, чем в селе, где производственный коллектив часто совпадает с территориальной общностью и связи менее дифференцированы. Так что, на наш взгляд, вряд ли будет правильно при этнографическом изучении современности концентрировать внимание, как советует В. И. Козлов, только на быте домашнем, к чему будто бы «призваны» этнографы. В таком случае из системы быта выпали бы, например, богатые этническими традициями многообразные обычаи, обряды, праздники, входящие в состав духовной культуры.

В ходе обсуждения затронута также проблема анкет и вопросников. Дело вовсе не в том, что этнографы в отличие от социологов никак не могут познать искусство составления и применения анкет для массового опроса населения (Г. В. Старовойтова оценивает наши суждения как своего рода социологический ликбез), а в эффективности этого метода, возможности сочетания его с другими методами изучения именно этнографических явлений с присущей им спецификой.

¹ Крупянская В. Ю., Будина О. Р., Полищук Н. С., Юхнева Н. В. Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила (1917—1970). М.: Наука, 1974; Анохина Л. А., Шмелева М. Н. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1977.

В высказываниях участников дискуссии прозвучала некоторая тревога по поводу излишнего или всеобщего («тотального», по выражению В. Р. Арсеньева) увлечения вопросниками. При известной полезности инструментария этого типа, свойственная ему более или менее жесткая форма нередко затрудняет, как отмечают выступавшие, выявление вариативности и своеобразия тех или иных явлений, препятствует фиксации различных нюансов, возникающих в процессе работы (а они могут способствовать открытию новых явлений, не «заложенных» в вопроснике), навязывает заданный подход (В. Р. Арсеньев, Г. Н. Грачева). Опасение вызывает, как отмечает И. П. Березовский, и наметившаяся в последние годы тенденция подмены многостороннего этнографического изучения современности (в частности в городе) этносоциологическим исследованием отдельных компонентов быта, культуры и образа жизни горожан.

Большинство участников обсуждения высказались за сочетание разных методов полевой работы и приоритет в этом комплексе традиционных для этнографии методов, прежде всего углубленной свободной беседы, которая вместе с непосредственным наблюдением, как правильно подмечено И. П. Березовским и А. М. Решетовым, составляет единый метод наблюдения в широком смысле слова. Мы говорим, разумеется, о научном наблюдении специалиста, обладающего профессиональным видением того, что он изучает. Цель этнографа-полевого, по мнению участников дискуссии, состоит в том, чтобы собрать как можно более исчерпывающий материал широкого диапазона, сколь бы узко-конкретной ни была проблема, которую он разрабатывает. Необходимость комплексного изучения этнокультурных явлений вызывается их сложностью и многозначностью, органическим переплетением в них нового и традиционного, материального и духовного, сугубо бытового и художественного. Вопросники (чаще всего тематические) вместе с программами издавна составляют вооружение этнографа в поле. Они, как и анкеты, содержат в известной мере стандартизирующее начало и должны предназначаться лишь для самого исследователя в качестве своеобразного ориентира для ведения беседы. Для информатора же они остаются как бы «за кадром» (Л. Н. Чижикова, Г. Н. Симаков). Было высказано общее мнение о желательности совершенствования этого научного инструментария и его унификации с целью обеспечения сравнимости собираемых материалов, что особенно необходимо при создании обобщающих трудов сравнительно-типологического характера.

В откликах была поднята и проблема личности этнографа-полевого, его профессионализма и этики. Проблема эта не нова: забота о поведении исследователей в поле, не нарушающем по возможности естественного хода жизни изучаемого населения и существенно влияющем на достоверность получаемого материала, всегда находилась в поле зрения этнографов, хотя и решалась, правда, скорее в практическом, чем в теоретическом плане. В настоящее время она стала особенно актуальной в связи с проведением массовых обследований населения, уменьшением экспедиционных сроков и, возможно, с известной недооценкой необходимости серьезной практической подготовки кадров для этнографической работы в поле. Слишком поспешный выпуск в поле молодых специалистов (см. отклик А. М. Решетова) и создает возможность появления того «доверчивого» этнографа, который, как пишет Г. В. Старовойтова, легко может принять гостевой этикет за привычный стиль повседневной жизни. Профессиональная подготовка должна предусматривать приобретение молодежью и компетентности в этнографии в целом, и знания «своего» народа, включая усвоение результатов предшествовавшего изучения, и знакомство со способами сбора полевого материала. Но непременным условием реализации профессиональных знаний этнографа является владение еще особым качеством этического порядка — этнографическим даром, талантом (А. М. Решетов), «этнографической этикой» (О. Р. Будина), этическим комплексом исследователя (В. Р. Арсеньев). Это качество включает такие человеческие черты, как контактность, инициативность, уважительность, тактичность, доброжелательность

и т. п., проявляемые по отношению к информатору и изучаемому населению, к его истории, культуре, традициям.

Забота о воспитании кадров этнографов-полевиков имеет первостепенное значение для дальнейшего развития этнографической науки, в значительной степени базирующейся на материалах полевых исследований. Накопленный многими поколениями этнографов большой опыт ведения собирательской работы передается, к сожалению, главным образом «из рук в руки», «из уст в уста». Освещение этого опыта, его творческое осмысление было бы весьма полезным, разумеется, наряду с дальнейшей разработкой современных методических и методологических проблем.

С. И. Вайнштейн

**ЕЩЕ РАЗ О ПОЛЕВОМ ИССЛЕДОВАНИИ
ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ
(ответ участникам дискуссии)**

Из-за ограниченности объема я не могу, к сожалению, коснуться всех заслуживающих внимания идей и предложений, прозвучавших в дискуссии. Позволю себе остановиться лишь на нескольких вопросах, связанных с полевыми исследованиями неизученных или малоизученных компонентов традиционно-бытовой (в том числе и старотрадиционной) культуры, ее «белых пятен».

Некоторые участники дискуссии (Л. Н. Чижикова, В. Ф. Горленко, О. Р. Будина) не поддержали предложенного мной нового термина «старотрадиционная культура», который, кстати, другие (В. И. Козлов, Н. А. Томилов, Г. Н. Симакон) позитивно использовали в своих выступлениях. Им я отнюдь не хотел ни заменить термин «традиционная культура» (О. Р. Будина, 63), ни разделить традиционно-бытовую культуру на старотрадиционную и просто традиционную (В. Ф. Горленко, 69; Л. Н. Чижикова, 65). Этим термином я обозначил лишь ту часть традиционной культуры, которая включает различные историко-генетические слои, вошедшие в нее в условиях докапиталистических формаций, начиная с первобытнообщинной. Эта часть традиционной культуры, бесценный памятник ее истории, в современных условиях исчезает наиболее быстро. Но поскольку все компоненты традиционной культуры тесно взаимосвязаны и функционируют как в многослойной динамичной системе (С. И. Вайнштейн, 53), выделить среди них старотрадиционные не всегда удается без детального анализа всего собранного в поле материала по традиционной культуре. Разумеется, к исчезающим могут относиться не только старотрадиционные, но и более поздние компоненты традиционной культуры.

Оживленный обмен мнениями вызвало содержащееся в моей статье утверждение о необходимости возможно более полного исследования всех исчезающих компонентов традиционно-бытовой культуры, ее «белых пятен». Большинство участников дискуссии (В. Р. Арсеньев, Ч. М. Таксами, Л. Н. Чижикова, В. Ф. Горленко, А. Н. Жилина, Г. Н. Грачева и др.) согласны с этим. Однако были высказаны также мнения, что это «задача явно невыполнимая» (Г. В. Старовойтова, 69) и «фиксировать... надо лишь то, что важно и актуально» (В. И. Козлов, 72), что диктуется требованиями теории (Г. В. Старовойтова, 68).

Чтобы быть объективным, надо признать, что мои оппоненты не отрицают важности изучения традиционной культуры с наибольшей полнотой (Г. В. Старовойтова, 69) и ликвидации ее «белых пятен» (В. И. Козлов, 70), но суть их выступлений, на мой взгляд, этому противоречит.